

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф79

Gayle Forman
I HAVE LOST MY WAY
Copyright © 2018 by Gayle Forman

Перевод с английского *Ольги Медведь*

Художественное оформление *Радия Фахрутдинова*

Форман, Гейл.

Ф79 Я сбилась с пути / Гейл Форман ; [пер с англ. О. Медведь]. — Москва : Эксмо, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-04-097826-7

Фрейя пытается восстановить свою жизнь: она потеряла голос, когда записывала дебютный альбом. Харун планирует бросить всех, кого когда-либо любил. Натаниэль только что прибыл в Нью-Йорк с крошечным рюкзаком и отчаянным планом — ему нечего терять и некуда идти.

Все они сбились с пути. И чем больше запутываются в своей жизни, тем яснее осознают: может, путь к счастью лежит через помощь другим?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Ольга Медведь, перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-097826-7

*Посвящается Кену Райту,
Анне Ярзаб и Майклу Бурре*

*Приди, приди, кем бы ты ни был,
Странник, поклоняющийся, любящий
жизнь —
Это не важно.
Наш караван — не караван отчаяния.
Приди, даже если ты тысячу раз нарушил
Свою клятву.
Приди, приди же еще, приди.*

Джалаладдин Руми

Не все, кто блуждают, — потерялись.

Дж. Р. Р. Толкин

Глава 1

Начало

Я сбилась с пути.

Фрейя смотрит на только что напечатанные слова в телефоне.

Я сбилась с пути. Откуда это взялось?

— Простите, мисс, — повторяет водитель. — Похоже, я сбился с пути.

И Фрейя возвращается в реальность. Она едет на заднем сиденье «таун-кара» на седьмую — или восьмую? — за последние две недели встречу с доктором, и водитель за туннелем свернул не туда.

— Угол Парк-авеню и 70-й, — открыв календарь, подсказывает она ему. — Сверните направо на Третью, затем налево на 71-ю.

И снова смотрит на экран. *Я сбилась с пути.* Тринадцать символов. Но эти слова, как и нота до третьей октавы, звучат правдоподобно. Чего не скажешь о большинстве ее нынешних постов. Этим утром кто-то из работников Хейдена выложил фото, на котором она с улыбкой держит микрофон, и подписал: #РожденнаяСПесней. #ВдохновляющийЧетверг. Хотя поставить #РетроЧетверг было бы вернее, потому что фотографии несколько недель и человека на ней больше не существует.

Я сбилась с пути.

Что будет, если она запостит эту фразу? Что они скажут, если узнают?

Телефон вдруг пиликает, и только тогда Фрейя понимает, что нажала «Опубликовать». Начинают сыпаться ответы, но она не успевает их прочитать,

потому что приходит сообщение от мамы: «720 Парк-авеню» — и смайл кнопки. Она, как и сама Фрейя, постоянно мониторит ленту. И конечно же, она не так все поняла. Фрейя не сбилась с пути. Она потеряла голос.

Девушка удаляет пост, надеясь, что никто не успел сделать скриншот или поделиться им, хоть и знает: в интернете ничего не пропадает. В отличие от реальной жизни.

Когда машина добирается до места, мама расхаживает по тротуару, держа в руках результаты анализов от другого врача, за которыми ей пришлось мчаться в центр.

— Отлично, ты здесь, — буркает она, открывая дверь еще до полной остановки машины, и выдергивает Фрейю, даже не дав той расплатиться приготовленными десятью долларами. — Я уже все заполнила.

Она так говорит, будто сделала это, чтобы сэкономить время, хотя на самом деле всегда заполняет документы вместо Фрейи.

Их проводят сразу в смотровую, минуя ожидание в приемной. Такая консультация стоит \$1500 и не входит в страховку (спасибо, Хейден).

— Что вас беспокоит? — спрашивает доктор, намыливая руки. Он не смотрит на Фрейю. Наверняка даже не знает, кто она. На вид годится в дедушки, однако, если верить слухам, он лечил знаменитость с мировым именем, каковой еще несколько недель назад пророчили стать Фрейе.

Жаль, перед удалением поста она не прочитала хотя бы парочку ответов. Может, кто-нибудь подсказал бы, что делать. Или заверил бы, что неважно, может ли она петь. Они все равно ее любят.

Я сбилась с пути

Только все это чушь. Любовь всегда условна. Как и все другое.

— Она потеряла голос, — отвечает мама. — Временно. — И выкладывает до занудства знакомую историю — «третья неделя в студии», «все идет безупречно» и бла-бла-бла, — а в это время у Фрейи в голове крутится фраза «Я сбилась с пути», как песня на повторе — так они с Сабриной снова и снова прогоняли один и тот же трек, чтобы проанализировать его, вскрыть все секреты и сделать их своими. Это сводило маму с ума, пока все не обернулось выгодой.

Доктор ощупывает шею Фрейи, заглядывает в горло, изучает пазухи. Интересно, как он отреагирует, если она харкнет. Увидит ли в ней человека, а не просто какое-то оборудование, которое вышло из строя. *Услышит* ли ее.

— Можете взять до третьей октавы? — просит доктор.

Фрейя выполняет указание.

— Она может брать отдельные ноты, — объясняет мама. — И у нее идеальная подача. Хейден говорит, никогда не слышал такой.

— Правда? — удивляется доктор, ощупывая связки. — Давайте споем. Что-то простое, например, «С днем рождения».

«С днем рождения». Кто не сможет спеть «С днем рождения»? Даже ребенку это по силам. И человеку, у которого нет ни слуха, ни голоса. Тогда Фрейя в знак протеста решает спеть с сильным французским акцентом.

— С днем рождения тебя... — выводит она. Мама хмурится, и Фрейя усиливает акцент. — С днем рождения тебя...

Однако голос умнее, чем кажется. Его не обвести вокруг пальца ужимками или ужасным фальшивым акцентом. И как только песня совершает октавный скачок — с первой на вторую, девушка спотыкается. Начинает паниковать. Дыхание становится свинцовым.

— С днем рождения, дорогая... — На «дорогой» все и происходит. Воздух заканчивается. Песня глохнет посреди вдоха. Мелодия была обречена на провал с самого начала.

— С днем рождения меня, — саркастически атонально заканчивает Фрейя с каменным лицом и проводит ребром ладони по горлу на тот случай, если посыл неясен.

— Это паралич? Мы слышали, что такое было у, — мама понижает голос, — Адель.

Ее слова пропитаны надеждой. Не потому, что она хочет паралич голосовых связок, а из желания связать Фрейю с Адель. Несколько лет назад она прочитала книгу «Твой путь» и уверовала в нее на все двести процентов. Теперь ее девиз — «Мечтай об этом, будь этим».

— Я назначу вам анализы, — говорит доктор и переключается на уже знакомый жаргон: — КТ, биопсию, ларингеальную ЭМГ, возможно, и рентген. — Он достает бланк, пододвигает к себе и как-то иначе смотрит на Фрейю. — И вам, наверное, следует это с кем-то обсудить.

— Уже сделано, но лоботомия не помогла.

— Фрейя! — одергивает ее мама. А потом обращается к врачу: — Мы уже ходим к психотерапевту.

Мы. Как будто они вместе к нему ходят. Как будто вместе принимают таблетки, которые, предположи-

Я сбилась с пути

тельно, подавляют тревогу, которая, предположительно, парализует голос Фрейи.

— Это просто произошло. Буквально за ночь. Если бы проблема носила, — мамин голос снижает-ся до шепота, — психологический характер, это не случилось бы в мгновение ока, верно?

Доктор уклончиво мычит.

— Давайте назначим повторный прием через две недели.

Две недели — слишком поздно. Хейден ясно дал понять. Он назначил прием у известного врача, лечившего таких знаменитостей, как Адель, Лорд и Бейонсе. Заплатил за консультацию \$ 1500, потому что этот чувак, поклялся Хейден, творит чудеса — таким образом намекая, что Фрейе требуется не до-рогущее лечение, а настоящее чудо.

На улице ждет машина Хейдена, и явно не для того, чтобы подбросить их домой. Водитель открывает дверь и слегка кланяется.

— Мистер Бут просил привезти вас в офис.

Последние два года Фрейя проводила там много времени, но сейчас от этого требования ей становится дурно. Мама, до сих пор считающая Хейдена царем, а себя крестьянкой, тоже выглядит напуганной. И начинает суматошно листать сообщения.

— Наверное, хочет узнать, как все прошло.

Хейден Бут не вызывает просто так, милой беседы ради. Доктор наверняка позвонил ему в ту же минуту, как за ними закрылась дверь. А может, у него в смотровой и вовсе установлена скрытая камера, кто знает.

Слышен ли звук падающего дерева в лесу, если рядом никого нет? Если она не пойдет к Хейдену, он

не сможет ее уволить. Раз он не сможет ее уволить, ее карьера не закончится. Раз карьера не закончится, ее по-прежнему будут любить.

Верно?

— Я устала, — махнув рукой, говорит она маме. — Поезжай одна.

— Он просил приехать обеих, — отвечает та, затем смотрит на водителя. — Он просил приехать обеих?

Тот понятия не имеет. Да и с чего бы?

— Я устала от этих дурацких приемов, — заявляет Фрейя, включая режим дивы, как его называет мама. Он здорово сбивает ее с толку, потому что, с одной стороны, «мечтай об этом, будь этим», а с другой — это чертовски раздражает.

Когда мама расстраивается, то поджимает губы и становится похожа на Сабрину или Сабрина на нее. «Очевидно, гены выбирают стороны», — шутила бывшая няня, подразумевая, что Фрейя пошла в отца: темная кожа, высокий лоб, характерные эфиопские глаза, тогда как ее сестра Сабрина была скорее похожа на маму: вьющиеся волосы, но не курчавые, и более светлая кожа, как у пуэрториканцев.

Но затем мама меняет решение, и ее рот расслабляется.

— Знаешь что? Так даже лучше. Я сама с ним поговорю. Напомню, что тебе всего девятнадцать. Что ты многого достигла. И у нас столько положительной динамики. Ожидание усилит их голод. — Она переключается на телефон. — Закажу тебе такси.

— Мам. Я сама могу добраться до дома.

Но та ее не слушает. Фрейе больше нельзя ездить в метро в одиночку. Мама установила в ее телефон приложение слежения — перестраховывается, хотя

Я сбилась с пути

для этого, как и для режима дивы, пока рановато. Фрейя не настолько популярна. По шкале Хейдена она где-то между суперобсуждаемой и знаменитой. Если она ходит потанцевать в клубы или посещает бар или кафе, куда часто заглядывают перспективные актеры/модели/певцы, ее узнают, если проводит мероприятие в торговом центре (чем она больше не занимается; как говорят журналисты, это не соответствует стилю), ее обступают толпой. Но в метро, среди обычных людей, она — никто. И все мамины действия основаны на ее амбициозности.

— Я лучше прогуляюсь, — добавляет Фрейя. — Может, пройду по парку, проветрю голову или посмотрю, какие сейчас распродажи в «Барнис».

Она знает, что мама не пойдет против исцеляющей силы «Барнис». Хотя в таких местах Фрейя чувствует себя слегка неуютно. Ее часто преследуют, и она никогда не знает, то ли все дело в популярности, то ли в цвете кожи.

— Найди себе что-нибудь симпатичное, — воодушевляется мама. — Отвлекись.

— Что у нас еще по расписанию? — по привычке спрашивает Фрейя, потому что всегда что-то есть, а мама это запоминала. Но сейчас звучит лишь неловкое молчание, и это больно ранит. Потому что ответ «ничего». По расписанию больше ничего нет, так как это время было отведено для работы в студии. Она должна была закончить запись. Через несколько дней Хейден на неделю уезжает на какой-то частный остров и вернется уже с Лулией, щербатой певицей, которую нашел в берлинском метро и превратил в знаменитость такой величины, что теперь ее лицо ухмыляется с билбордов на Таймс-сквер.

Тейл Форман

«Это могла быть ты», — сказал ей однажды Хейден.

Уже нет.

— Ничего, — отвечает мама.

— Тогда увидимся дома.

— Сегодня четверг.

По четвергам мама неизменно ужинает с Сабриной. Обычно это умалчивается. Фрейю никогда не приглашают.

Само собой.

— Я могу отложить, если что, — добавляет мама.

Горечь просто невыносима. Буквально ощутима на вкус. Интересно, растворит ли она эмаль ее недавно отбеленных зубов.

А еще это унижительно. Как можно обижаться на родную сестру? Сабрину, которая, как говорит мама, «многим пожертвовала». Последнюю фразу она произносит тем же шепотом, что и слово «передышка», когда обсуждает случившееся с Фрейей. «Ты просто берешь передышку».

«Передышка» — кодовое слово самосожжения.

— Тебе пора, — говорит Фрейя маме, пока обида не растворила все внутренности, оставив лишь мешок из кожи. — Хейден ждет.

Мама смотрит на машину, затем на водителя.

— Я позвоню, как что-то узнаю. — И садится в салон. — Развейся. Отдохни денек. Не думай об этом. Мало ли, вдруг это как раз то, что доктор прописал. Готова поспорить, если перестанешь об этом думать, тебе станет лучше. Погуляй по магазинам. А дома устрой марафон по «Скандалу».

Да, именно это и нужно Фрейе. А еще стакан теплого молока. И вторая лоботомия.

Я сбилась с пути

Дождавшись, когда мама уедет, она начинает идти, но не на юг к «Барнис», а на запад к парку. Достает телефон и листает ленту в Инстаграме. Видит еще одно фото, на котором она стоит под недавно распустившимся вишневым деревом у студии на Второй авеню. И подпись: #Музыка #Цветы #Жизнь #Все-киеПрелести, а комментарии просто загляденье: «Нет ничего прекраснее тебя». «ХОЧУ НОВЫЙ КЛИП!» «Подпишись на меняПЛЗ!!!»

Раздается гудок машины, и кто-то отдергивает ее на тротуар, бросив с усмешкой: «Повнимательней». Фрейя не благодарит, вместо этого направляется в парк, где нет машин и можно спокойно почитать комментарии.

Она заходит на свой канал в Ютьюбе, который по инструкциям Хейдена не обновлялся уже пару месяцев. Он хотел, чтобы фанаты «оголодали» по новому материалу, тогда вмиг проглотят вышедший альбом и новые клипы. Фрейя волновалась, что о ней забудут, но Хейден заверил, что есть и другие способы оставаться у всех на виду, и нанял пиарщика, чтобы тот разместил несколько анонимных эксклюзивов о ней.

Фрейя поднимается по холму к мостику. Мимо проносится компания велосипедистов, взрывая воздух пронзительным свистом, словно парк принадлежит только им. Она открывает Фейсбук и печатает в поисковой строчке «Сабрина Кебеде». Такое удовольствие она позволяет себе раз в месяц, хоть и знает, что там нет ничего нового. Страничка ее сестры в Фейсбуке почти неактивна уже пару лет, всего два или три поста, и то все хэштеги.

И все же вот он, новый пост, ему несколько недель. Выложенная кем-то по имени Алекс Такашида